

в глубине сердца и превращает в ручного⁵¹. Стилль руководствуется принципом христианского всепрощения и подгоняет под него действительность — Евстафий идет от действительности, даже если она противоречит евангельским канонам.

Итак, признавая прекрасным также и телесную красоту, Евстафий неминуемо приходит к допущению совершенства и в изменчивом, подвижном мире. Мануил прекрасен в спокойствии, но прекрасен и в гневе, — где же истинное, единственное, стабильное совершенство?

В духе христианской традиции Евстафий восхваляет любовь как высший жизненный принцип: ради нее, оказывается, установлены законы, созданы государства, придуманы союзы, введено все то, что упорядочивает жизнь (Opusc., p. 158.55—57). Ради любви нисходил к нам господь, научивший нас объединяться, подобно членам и частям божества (Opusc., p. 62.69—70). Любовь приносит мир, обращается Евстафий к солунянам, а с ним расцветают всевозможные ремесла и науки, укрепляются браки, крепнет торговля и расширяются ярмарки (Opusc., p. 63.10—14).

Однако действительность, как мы помним, многообразна, и Евстафий предупреждает, что не всякая любовь хороша, ибо развратник тоже любит распутство, убийца — кровь, а вор — кражу (Opusc., p. 63.46—50). Кто называет любовью несправедливые вождедения, тот просто пользуется честным именем, чтобы прикрыть свое нечестие (Opusc., p. 63.63). Но оставим в стороне лже-любовь. И настоящая любовь, по Евстафию, двояка: бывает любовь замкнутая (ἐγκάθευτος), сосредоточенная на себе (αὐτοπαθήτης) — и любовь, обращенная вовне (μεταβατική, ἀλλοπαθήτης) (Opusc., p. 69.93—95). Любовь замкнутая состоит в благочестивой жизни, в постах, в удалении от мира, в обращении к богу (Opusc., p. 69.95—70.3). Но такое монашеское пустынножительство, такой аскетический идеал не привлекает Евстафия — его симпатии на стороне того, кто не прятается от людей и от самого солнца, но несет свой свет во мрак жизни (Opusc., p. 70.12—18). Еще недостаточно, развивает он далее эту мысль, уклониться от зла — необходимо творить добро (Opusc., p. 73. 93—95). Евстафий стоит за активное вмешательство в жизнь⁵².

Евстафий не одобряет тех, кто сломя голову бежит от зла в надежде самому спастись, как будто одним только бегством от мира можно сделать человека совершенным (Opusc., p. 77.43—46). Он смеется над анахоретами, забивающимися в «духовные уголки», в пещеры и в расселины земли, пребывающими на горах (Opusc., p. 77. 74—76). Места их уединения он сравнивает с золотыми россыпями, изобилующими драгоценным металлом, который не раскрывает себя, не превращается в человеческую монету, но предпочитает оставаться во глубине руд (Opusc., p. 77.72—77).

Если важна любовь деятельная, любовь мирская, то не остается места для религиозного ригоризма; не надо требовать от себя максимального, наставляет Евстафий свою паству: если у тебя нет сил поститься, ограничься умеренностью в еде (Opusc., p. 11. 82—83); не пренебрегай умыванием — быть чистым не возбраняется (Opusc., p. 11.91—95); если тебе трудно выдержать продолжительное богослужение, молись, когда есть возможность, — в любой час можно славить господя (Opusc., p. 12.9—15).

Обрядность отступает в его представлениях перед нравственностью. Конечно, заявляет Евстафий, отдавая долг традиции, велика польза от коленопреклонений, пролития слез, выполнения трудных обрядов, от которых дрожат конечности, — но человек, живущий скромно, разве не

⁵¹ R. Brown. An Anonymous βασιλικὸς λόγος Addressed to Alexios I Comnenus. — Byz., 28, 1958, p. 37.38—42. Об авторе и времени этого сочинения см. J. Darrozes. Notes de littérature et de critique, II: Constantin Stilbès et Cyrille, métropolitte de Cyzique. — REB, 18, 1960.

⁵² Он словно полемизирует с принципом индивидуалистичного спасения, который отстаивал Симеон — см. А. П. К а ж д а н. Предварительные замечания..., стр. 21.